

ЛАДОГА

И ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

В. Н. СЕДЫХ

СЕВЕРНАЯ РУСЬ В ЭПОХУ РЮРИКА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ

Еще до недавнего времени история Руси периода первых князей не была предметом специального исследования, поскольку за этим периодом надолго закрепилось понятие "таинственный" IX век. Отчасти это верно, поскольку археологические памятники этого периода крайне немногочисленны, территориально разобщены и не образуют четкого "пласта древностей IX века". Практически все пункты, отражающие русско-скандинавские контакты раннего периода, сосредоточены в интересующем нас регионе. Материалы этого времени происходят из Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова, Сарского городища, Тимерева и некоторых других. Вместе с тем, на территории Восточной Европы известно значительное число синхронных им памятников — кладов восточных монет — дирхамов, которые датируются первым и вторым периодами обращения арабских монет на территории Восточной Европы (по периодизации Р. Р. Фасмера), т. е. IX столетием в целом, и являются, по мнению исследователей, достаточно чуткими показателями интенсивности, направлений и уровня связей Руси с внешним миром. По территории северо-западной России, а в то время — Северной или Верхней Руси — проходили трассы торговых путей — волжско-балтийского и днепровского. Именно Волга стала той магистралью, по которой на Русь, в страны Балтики и Северной Европы поступало монетное серебро — главный предмет восточного импорта в Восточную Европу, лишенную собственных рудных запасов. К рубежу VIII—IX вв. арабское серебро из государств Средней Азии и Переднего Востока через Северный Кавказ, Хазарию и Булгар по Волге стало активно поступать в пределы Северной Руси.

Функционирование ВВП явилось, наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы, одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства¹.

В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкается с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII—VIII вв., здесь же пересекались оба

важнейших торговых пути Древней Руси — это и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтничный торгово-ремесленный поселок Ладога стал своеобразными "воротами", через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион. О роли, которую играло поселение в низовьях Волхова в европейской торговле серебром, говорит тот факт, что после пожара, происшедшего около 860 г. и зафиксированного на стыке горизонтов E-2—E1 Ладоги, одновременно, примерно на десятилетие, прерывается поступление серебра в Швецию и на о. Готланд². Во второй половине IX века число находок восточных монет на о. Готланд и в Швеции возросло в 8 раз по сравнению с предшествующим периодом, что свидетельствует о прочных торгово-экономических связях между Северной Русью и Скандинавией.

Становление торговых связей со странами Востока началось в 70—80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной и Северной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. Первые клады восточных монет появляются практически одновременно на территории Северной Руси и Северной Европы (Ладога, 786 г.; Хаммарс на о. Готланд, 783 г.). Уже в первый период обращения дирхамов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных преимущественно на территории будущей Новгородской земли, значительно превышает число кладов в Скандинавии (где обнаружено всего 3 клада), что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхамов в этот период³.

Открытые торгово-ремесленные и военно-административные поселения, такие как Ладога в низовьях Волхова, Рюриково Городище под Новгородом, Гнездово близ Смоленска, Тимерево под Ярославлем и др., составляли единую систему центров и путей и играли основную роль в распространении среди местного населения предметов восточного импорта, прежде всего монетного. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена. Попадая компактными массами на обозначенные выше поселения, монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или

территориального обмена — путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые. В эти операции было втянуто разноязыкое население территорий, по которым пролегал ВВП. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиэтничным населением.

Рост политического и экономического могущества Древнерусского государства в первой половине X столетия, сопровождавшийся развитием ремесла, городов, торговли, увеличением объема и количества торгово-денежных сделок, привел к насыщению восточноевропейского денежного обращения куфической монетой, что вызвало ее усиленный транзит на Запад, главным образом в Швецию — через Ладогу или по Западной Двине⁴. При этом необходимо отметить определенные черты сходства в экономическом развитии Скандинавских стран и Руси, в их денежном обращении. Это, прежде всего, отсутствие собственных источников серебра, основные разновидности иностранных монет, использовавшихся в обращении, близкие метрологические системы и т. п. Состав находок куфических монет в кладах Швеции и Восточной Европы, в первую очередь Северной Руси, свидетельствует не только о сходстве в их составе, но и о существовании тесных русско-скандинавских связей⁵.

Вклад скандинавов в формирование материальной и духовной культуры Северной и, шире, — Древней Руси — общепризнан. В литературе достаточно обоснованно разработана периодизация этапов развития русско-скандинавских отношений⁶, начиная с первых контактов в середине VIII в., фиксируемых в материалах Ладоги, до XIII столетия, характеризующегося внешнеполитическими столкновениями феодальных государств. Ранние контакты происходили, прежде всего, в дружинной среде и засвидетельствованы погребальными памятниками Ладоги, Гнездова, Тимерёва и Киева. Археологические материалы фиксируют скандинавов и их семьи в числе постоянных жителей торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси. Происходивший в них торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в середине VIII в. (Ладога), достигая максимума к середине X века. При этом различаются уровни трансляции культурных достижений, имевшие конечной целью взаимовлияния и взаимообогащения культур Древней

Руси и ее непосредственных соседей — стран Прибалтики и Скандинавии. Необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксирующихся на торгово-ремесленных поселениях и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются известные уже в значительном числе находки "вещей-гибридов", представляющих собой орнаментально и конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока. На всех перечисленных выше крупных поселениях найдены клады арабского серебра и другой восточный импорт, предметы общебалтийского круга древностей и скандинавского происхождения.

Появившись в Ладоге в середине VIII в., т. е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, поставив целью продвижение и закрепление вдоль основных водных артерий, которые вели к источникам серебра и местным пушным рынкам. Постепенно скандинавы проникли вглубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже до начала IX в.

Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX—X вв. засвидетельствовано письменными источниками — русские летописи, сообщения восточных авторов (Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Балхи и др.) и скандинавские саги, а также археологическими и нумизматическими данными. Археологические исследования последних десятилетий обогатили отечественную науку рядом новых категорий источников — берестяные грамоты, клинковая эпиграфика, ведущим специалистом по которой является А. Н. Кирпичников, а также новая категория, имеющая археолого-нумизматическое происхождение — граффити на монетах, преимущественно на куфических. Впервые в значительном числе они были зафиксированы на монетах крупнейшего клада IX столетия для всей Северной и Восточной Европы — Тимерёвского под Ярославлем. Эта находка послужила толчком для активизации изучения монетного материала в стране. В настоящее время граффити на монетах происходят из погребений VIII—XI вв., в том числе из погребений X в. Гнездовского и Киевского некрополей, а также из материалов крупнейших археологических комплексов (Новгород, Гнездово, Тимерево) и кладов арабского серебра IX—XI вв. Результатом изучения отечественных граффити на монетах стала монография, подготовленная в содружестве нумизматом И. Г. Добровольским, археологом И. В. Дубовым и рунологом Ю. К. Кузьменко⁷.

Согласно письменным источникам, подтвержденным и дополненным данными археологии, после непродолжительного периода, сопровождавшегося выплатой дани заморским варягам, конфедерацией северных племен был приглашен на княжение Рюрик. По сведениям древнейших авторитетных и отредактированных списков летописей, "сел" Рюрик в Ладоге, которая, очевидно, уже была столицей некоего раннегосударственного образования в предшествующий период и где находилась резиденция "хакана русов" франкских Бертинских анналов. Призванный князь укрепляет Ладогу, затем вскоре, переносит столицу зарождающегося государства к истокам Волхова, на Городище. Одновременно ведется борьба за обладание торговыми путями, строительство крупных военно-торговых поселений. При этом, очевидно, была разрушена установившаяся в предшествующий период система даней и торговли. Все эти события и деяния сопровождались дестабилизацией обстановки в государстве, которая нашла, как представляется, свое отражение в нумизматическом материале.

Монетные клады — памятники, отражающие состав денежного обращения, направление экономических, политических, культурных связей определенной страны в определенный период, являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка, где монетная масса — количество монет (денег) — зависит от двух основных составляющих рынка: от общей суммы цен обращающихся товаров (суммы товарных цен) и от интенсивности торговых операций, т. е. скорости обращения денег⁸. Возникновение синхронных или близких по времени "резервных фондов", переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище можно объяснить, при наличии иных причин, двумя основными — сильные общественные потрясения (войны, междоусобицы, народные восстания, вражеские нашествия), имевшие следствием этих потрясений захирение экономической жизни государства (уменьшение количества товаров, замедление скорости их обращения, упадок деятельности рынка и потребности его в деньгах) и, напротив, оживление деятельности рынка, развитие товарно-денежных отношений.

Значительное внимание проблеме восточноевропейских кладов восточных монет уделено в исследованиях Т. С. Нунана⁹. Ссылаясь на опубликованные Т. Нунаном данные, А. Н. Кирпичников в ряде статей характеризует период 860—880-х гг. как время роста торговой активности и расширения международной торговли¹⁰. Приведенные сопоставления, по мнению автора, говорят о неуклонном росте монетных поступлений

на территорию Восточной Европы в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика, свидетельством чего являются многочисленные клады арабских монет этого периода.

Часто воспроизводимая в литературе таблица времени и количества выпавших в Восточной Европе кладов по периодам (табл. 1) свидетельствует, что в период 860—879 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг.

Таблица 1

Клады с пятью и более дирхамов, зарытые в Восточной Европе между 780 и 899 гг. (по Т. С. Нунану)

Даты	Количество кладов	Количество дирхамов	% от общего числа дирхамов
780—799	4	986	3,8
800—819	21	3400	13,3
820—839	15	3320	13,0
840—859	10	4427	17,3
860—879	23	13 213	51,6
880—899	3	276	1,1
Всего:	76	25 622	100,0

Клады этого периода преимущественно состояли из аббасидских дирхамов. Основываясь на данных Т. Нунана¹¹, состав крупных кладов восточных монет этого периода можно представить следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Состав крупнейших кладов восточных монет Восточной Европы (по Т. С. Нунану)

Наименование клада	Год сокрытия	Количество монет	% аббасидских монет
Б. Тимерёво	865 г.	2762	91
Любынь	873 г.	2361	94
Хитровка	873 г.	465	96
Бобыли	876 г.	337	96
Шумилово	871 г.	1227	97
Железница	878 г.	258	100

Как правило, клады этого периода содержат небольшое количество умайядских дирхамов и монет других династий (Идрисидов, Хараджидов, Алидов Табаристана и др.). Крупнейший для IX века клад из Тимерёва имеет в своем составе все необходимые для кладов этого периода компоненты и сходен с ними по составу.

Представление о том, что период 860–879 гг., т. е. эпоха Рюрика, был периодом интенсивной торговли Руси с Востоком, очевидно, является ошибочным*. Анализ композиций кладов этого периода показывает, что многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу до времени правления Рюрика, еще долго оставались в обращении. Так, в рассматриваемых кладах почти все эти старшие дирхамы были импортированы в Восточную Европу до эпохи Рюрика. В большом тимерёвском кладе 865 г. лишь 2 % дирхамов было чеканено после 862 года, а более 88 % — в предшествующий период. В кладе из Любыни (873 г.) только 30 % монет были отчеканены после 862 г., а 70 % — ранее. В кладе из Шумилова (871 г.) 63 % дирхамов были чеканены до 819 г., 18 % — между 820 и 859 гг. Соответствующие данные для клада из Погребного (876 г.) — 72 % и 12 %; для клада из Бобылей (876 г.) — 62 % и 17 %, для клада из Хитровки (873 г.) — 68 % и 18 %.

* Здесь и ниже изложена точка зрения Т. С. Нунена, к которой автор полностью присоединяется. Трактровка о наличии в кладах 860–870 гг. большого количества монет, чеканенных до 860 года, однако не столь однозначна. Присутствие старых монет в составе денежной массы второй половины IX в. отражало особенности товарно-денежных операций не только упомянутого, но и более раннего периода. Например, в кладах 800–835 гг. нередко преобладали монеты 770–780 гг., что в немалой степени связывается с упадком монетного производства Аббасидов, начавшемся около 810 г. (Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев. Большой клад дирхамов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске. // Археологические вести, 10, СПб., 2003. С. 151 и 154.) Иными словами, и до 860 г., и после торговля по разным причинам не всегда базировалась на современной ей "валюте", а консервировалась в пределах своих регионов на основе завезенного туда в разное время исламского серебра. В IX в. и позже районы Восточной Европы были обложены варяжской и хазарской данями, что ограничивало дальнюю торговлю и заставило славянские племена накапливать и сберегать богатства для очередных выплат (частью они велись в дирхемах).

В эпоху Рюрика торговля стала расширяться и неудивительно, что для этого использовались все накопленные на местах сокровища. Так, какое-то время омертвевший капитал стал поступать на евразийские рынки. Известно, что в последней четверти IX в. поступление новой исламской монеты искусственно ограничивалось Хазарией. Не исключено, что такие периоды случались и в более раннее время. Обилие старых монет в кладах, распространение и использование которых охватывало нередко не одно десятилетие, не обязательно свидетельствует об уменьшении торговых операций и некой военно-политической нестабильности на территории Руси Рюрика. Скорее наоборот, в правление Рюрика (да и позже) источники не отмечают ни одного похода викингов на Русь. Новые правители Руси, несомненно, стремились расширить и укрепить международные связи Руси, в том числе и экономические (прим. ред.)

Сравнение состава восточноевропейских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они различны. Так, известный клад 878/79 гг. из Сузы (Иран) содержал в своем составе 90 % дирхамов, отчеканенных в 860–870-х гг.¹² То есть, в 860–870-е гг. на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов.

Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда до 860 года, в период предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей.

Как считает В. Н. Рябцевич, "...упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта обладала ранее достаточно развитыми товарно-денежными отношениями" [разрядка наша — В. С.]¹³. Именно эти, скопившиеся ранее сокровища, в период экономического упадка помещались в землю "до лучших времен".

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхамов и привлекали викингов в русские земли. Основной целью проникавших вглубь восточноевропейской территории групп викингов было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого Волжского пути — основной магистрали поступления восточного серебра, т. е. борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле. Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы на основной государственной территории того времени, в столицах — Новгород (864 г.), два клада Рюрикова городища 860-х гг., Ладога (см. ниже), на путях, контролируемых, очевидно, сторонниками Рюрика (Панкино, 863 г., Иловец, 864 г., Потерпильцы, 866 г., Москва, 866 г., Супруты, 866 г., торопецкая округа — 867 г., Шумилово, 871 г., Кузнецкое, 870-е гг., и др.), в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период (три тимерёвских клада 860-х гг.). Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ, можно предположить, что в число кладов, отражающих следствие этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступле-

ния, т. е. в период, предшествующий событиям 860-х гг. К такимкладам, очевидно, примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине — Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призвания Рюрика — Ахремцы, 852 г., Гробин, 853 г., Соболево, 857 г. — и эпохой Рюрика — Лучёсы, 862 г. Витебская губ., 866 г., Лифляндская губ., 872 г.¹⁴ Как и "среднеокский" сгусток кладов (Растовец, 864 г., Борки, 867 и 869 гг., Мишнево, 869 г., Гручино, 860-е гг., Острогов, 870 г., Хитровка, 873 г., Железницы, 878 г.), клады по этой водной магистрали — Западная Двина — Даугава — обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Упомянутый выше ладожский клад дирхамов с младшей монетой 847 г., исходя из стратиграфического анализа, был спрятан, по данным О. И. Давидан, очевидно, не ранее чем с уровня горизонта E1, т. е. начиная с 870-х гг.¹⁵

Вспышкой военных действий, "...которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невостребования кладов" объясняют В. А. Булкин и Д. А. Мачинский появление двух "сгустков" кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862—878 гг.¹⁶

Неспокойное время отразилось, очевидно, и в другом виде памятников — в погребальных древностях. Именно к эпохе Рюрика на Руси относятся первые скандинавские погребальные комплексы — курган № 95 могильника Костино в юго-восточном Приладожье, курганы Кусцинского, курган Ц-2 и № 47 Лесной группы в Гнездово (раскопки Д. А. Авдусина), некоторые курганы могильника Новоселки под Смоленском и курган № 95 Тимерёвского могильника.

Таким образом, очевидно, правы те исследователи,¹⁷ которые считают начальный период становления древнерусского государства — эпоху Рюрика — временем обращения огромного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 года, скромного уровня коммерческих отношений с Востоком и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образования. Именно все это стало причиной появления больших кладов, подобныхкладам из Тимерёва, Любыни и др.

Решение двух наиболее спорных вопросов ранней истории Ладоги, а именно — этнического состава основателей поселка и вопроса о том, произошла ли смена населения в X веке, — возможно, прежде всего, на основе тщательной разработки проблем керамического производства Ладоги. Выводы о смешении различных технологических традиций в керамическом произ-

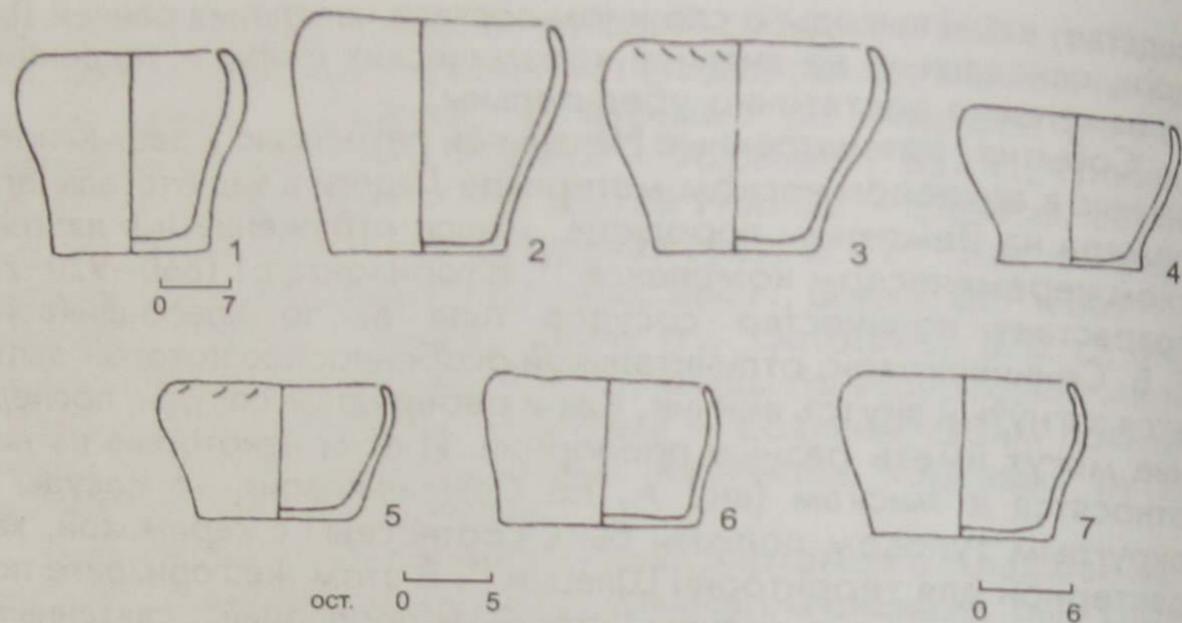
водстве, как и выводы о сложном составе населения ранней Ладоги, основанные на анализе керамических форм и тенденции их изменения достаточно убедительны.

События, запечатленные Начальной летописью и зафиксированные в археологическом материале Ладоги в виде тотального пожара на Земляном городище, нашли отражение и в ладожском керамическом комплексе¹⁸. В горизонте E1 (860—920 гг.) возрастает количество сосудов типа 6, по классификации Т. Б. Сениченковой, отличительной особенностью которых является загнутый внутрь венчик. Как и реберчатые сосуды, последние могут иметь разные пропорции. И если некоторые из них относятся к мискам (вид А, по Сениченковой), то сосуды с округлым туловом должны быть соотнесены с керамикой, характерной для территории Швеции¹⁹. В этом же горизонте появляются и высокие сосуды "стройных пропорций", связанные, очевидно, с массовым проникновением славян в Нижнее Поволжье. Следует особо остановиться на скандинавской керамике.

На всех восточноевропейских "виках" IX—X вв. найдены кладывостоного серебра, предметы общебалтийского круга древностей и скандинавского происхождения. Одной из интереснейших категорий находок, отражающих повседневную, бытовую сторону жизни выходцев из Скандинавии, является посуда. В настоящее время среди разнообразной посуды комплексов, определяемых как скандинавские, к последним однозначно могут быть отнесены глиняные сосуды определенной формы и сосуды из жировика. Находки фрагментов сосудов из стеатита (жировика), происходящие из материалов Гнездова, Старой Ладоги и Киева, является своеобразным "норвежским вкладом" в формирование набора посуды Руси эпохи викингов.

Отличительной особенностью выявленных на древнерусских материалах скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик. Этот признак дал основание некоторым исследователям найти аналогии таким сосудам в культурах других эпох и территорий и, тем самым, поставить под сомнение скандинавскую принадлежность рассматриваемой группы сосудов. Сразу хотелось бы отметить, что речь идет о сосудах определенных пропорций, происходящих из комплексов определенного времени и определенного круга памятников²⁰.

Впервые сосуды этого облика были обнаружены при исследовании Тимерёвского поселения под Ярославлем. В настоящее время такие сосуды выявлены в материалах ярославских могильников и других памятников Древней Руси.

Скандинавская глиняная посуда из погребальных комплексов Древней Руси.

1 — Гнездово; 2—6 — Тимерёво; 7 — юго-восточное Приладожье.

В Швеции сосуды с загнутым внутрь венчиком, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинг, большой процент керамики из памятников раннего средневековья на территории Швеции (тип AIV: 3a1), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах — это так называемые кумфы позднеримского времени. Эта группа местной керамики (*einheimische Keramik*) имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 года²¹. В Тимерёво сосуды этого типа датируются тем же временем, что и в Швеции. Кроме Швеции, аналогичные сосуды происходят из курганов на Аландских островах²², поселений Дании, Германии и др.²³

На территории Древней Руси этот тип посуды встречается достаточно редко. Из погребальных комплексов необходимо назвать оятские курганы юго-восточного Приладожья — комплекс кургана № 4 у д. Гайгово, датирующийся X—началом XI в., могильника Плакун в Старой Ладоге, курган № 77 Лесной группы (раскопки Д. А. Авдусина) Гнездовского археологического комплекса (рис.).

Из поселений, где встречена такая посуда, кроме упомянутых Тимерёва и Ладоги, следует назвать Сарское и Рюриково городища²⁴.

Сосуды рассматриваемой формы в целом немногочисленны в керамических комплексах памятников Древней Руси. Встречены они, как было сказано, в торгово-ремесленных, военно-административных центрах и в древнейших городах Руси, причем

датируются они, в основном, X столетием, то есть периодом, когда скандинавы стали проживать в означенных центрах постоянно, т. е. семьями.

Присутствие скандинавов отразилось в погребальном обряде, инвентаре, керамических комплексах могильников и поселений Древней Руси. Основные типы граффити на восточных монетах представлены в материалах Руси, преимущественно из района балтийско-волжского пути и Скандинавии, являясь показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей. К числу важных показателей следует отнести и такой элемент скандинавской женской субкультуры как керамика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. В. Дубов. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 88—93; Е. А. Мельникова. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 80—87; Е. Н. Номосов. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157—170; и др.

² В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

³ В. Л. Янин. Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364—375.

⁴ В. М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 67; В. П. Даркевич. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 389.

⁵ В. М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 65—66.

⁶ Г. С. Лебедев. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

⁷ И. Г. Добровольский, И. В. Дубов, Ю. К. Кузьменко. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

⁸ В. Н. Рябцевич. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970.

⁹ T. S. Noonan. Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. Ed. M. A. S. Blackburn and D. M. Metcalf. Oxford: BAR, 1981, pp. 47—117; T. S. Noonan. The first major silver crisis in Russia and the Baltic, c. 875 — c. 900 // Hikuin, 11 (1985): 41—50; T. S. Noonan. Fluctuations in Islamic trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies, 16 (1992): 237—259; T. S. Noonan. Viking-Age dirham hoards from Eastern and Northern Europe // A Survey of numismatic research, 1990—1995, ed. by Cécile Morrisson and Bernd Kluge (Berlin: International Numismatic Commission, 1997), 751—759; T. S. Noonan. The impact of the Islamic trade upon urbanization in the Rus' lands: the tenth and early eleventh centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient [Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997], édités par M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman (Réalités byzantines 7), Paris: Lethielleux, 2000, 379—393;

Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152–156; и др.

¹⁰ А. Н. Кирпичников. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола "Великий Волжский путь" и Международного научного семинара "Историко-культурное наследие Великого Волжского пути". Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9–35; А. Н. Кирпичников. Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола "Великий Волжский путь и Волжская Болгария" и Международной научно-практической конференции "Великий Волжский путь". Часть II. Казань, 2002. С. 188–217.

¹¹ T. S. Noonan. Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis ... Table C.

¹² Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 154–155.

¹³ В. Н. Рябцевич. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 161.

¹⁴ А. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

¹⁵ Д. А. Мачинский. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Священные пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5–38.

¹⁶ В. А. Булкин, Д. А. Мачинский. Русь конца VIII–начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

¹⁷ См., например, Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152–156; и др.

¹⁸ Т. Б. Сениченкова. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1998.

¹⁹ Т. Б. Сениченкова. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1998. С. 29, рис. 4, 6.

²⁰ В. Н. Седых. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 153–158.

²¹ D. Selling. Wikingerzeitliche und fruhmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955: 166–174, 226.

²² А. Гакман. Археологические раскопки в Аландии летом 1901 г. // ИАК. № 38. СПб., 1901; E. Kivikoski. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963; E. Kivikoski. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors, 1980.

²³ H. J. Madsen. Keramik // H. H. Andersen, P. J. Crabb, H. J. Madsen. Arhus Søndervold en byarkaeologisk undersøgelse. København, 1971; B. M. Knudsen, O. Schierring. Fra grubehus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens, 1992; D. Meier. Winning – Eine wikingerzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter, Neumünster, 1998.

²⁴ В. Н. Седых. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 156.

В. В. МУРАШЕВА, А. А. ФЕТИСОВ,
Н. В. ЕНИОСОВА

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НА ТЕРРИТОРИИ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ГНЕЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Значение Гнездовского археологического комплекса для изучения проблем, связанных с эпохой становления Древнерусского государства трудно переоценить. Исследования Гнездова продолжаются уже около 130 лет, однако возможности памятника как источника информации еще далеко не исчерпаны.

Одним из важнейших событий в истории исследования Гнездовского поселения стало открытие в 1996–97 гг. культурного слоя на территории высокой поймы Днепра. Культурный слой на данном участке оказался перекрытым аллювиальными отложениями, мощность которых достигает 1,2 м. Изучение данного участка культурного слоя открывает новые перспективы для исследования. Во-первых, слой аллювия сохранил культурный слой непотревоженным и уберег его от распашки и грабительских раскопок, что значительно повышает его информативность (слой на территории надпойменной террасы поврежден пахотой). Во-вторых, отдельные участки слоя оказались сильно переувлажнены, что обусловило хорошую сохранность дерева, и этому мы обязаны первыми, пока еще немногочисленными, находками деревянных предметов¹. Сохранность дерева позволила продолжить создание коллекции дендрохронологических образцов, начало которой было положено в 80-е годы находками дерева в камерных погребениях². Все это расширяет источниковую базу и в определенном смысле ставит Гнездово в один ряд со Старой Ладогой, Рюриковым Городищем и Новгородом. И, наконец, открытие нового участка вносит коррективы в наши представления о масштабах памятника: традиционно считалось, что размеры поселения составляют около 16–17 га, теперь же можно говорить о 20–21 га.

Стационарные исследования на пойме ведутся с 1999 г. Первым был исследован переувлажненный участок с сохранившимся деревом, непосредственно примыкающий к надпойменной террасе, на котором были выявлены два строительных гори-